

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО
собрание сочинений • том 3

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ • ТОМ 3

ЕВГЕНИЙ
ЕВТУШЕНКО

Москва 2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Е27

Составление *Евгения Евтушенко*

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018)»

Подготовка текстов стихотворений *Юрия Нехорошева*

Оформление *Натальи Ярусовой*

В оформлении книги использованы фотографии из личного архива Евгения Евтушенко

Евтушенко, Евгений Александрович.

Е27 Собрание сочинений. Т. 3 / Евгений Евтушенко. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 736 с. — (Собрание сочинений).

ISBN 978-5-699-79451-5

Собрание сочинений Е.А. Евтушенко представляет творчество выдающегося поэта и писателя во всей полноте, подытоживает все лучшее, что он сделал за свою жизнь: любовную и гражданскую лирику, 22 эпические поэмы, по которым можно изучать и историю России, и жизнь всего человечества. Ведь он выступал с чтением стихов, помимо всех регионов родины, в 96 странах, и его стихи, переведенные на 72 зарубежных языка, учили людей во многих странах свободному незапорежному мышлению, разрушая железный занавес. Первым поэтом, угадавшим в нем талант, был Б. Пастернак, высоко оценивший его стихи «Одиночество». Д. Шостакович признался в одном из писем, что читает стихи Евтушенко «Карьера» и «Сапоги» как молитвы. Джон Стейнбек предсказал, что в XXI веке Е. Евтушенко станет не менее читаемым прозаиком, чем поэт. В книгу включены как ранние стихотворения 1959–1961 годов, так и проза и публицистика, статьи о литературе и искусстве.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-699-79451-5

© Евтушенко Е. А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Стихотворения
1959–1961 годов

Из дневника

Ну что же, брат, — вот зрелость и настала!
Ты юноша еще, но не юнец.
Уже далеким кажется начало.
Еще далеким кажется конец.
Какой ни есть, а опыт за плечами.
На нем раздумий зрелости печать.
Не в радости тот опыт, не в печали,
а в превращеньях радости в печаль.
Две формы чистоты — печаль и радость,
когда они воистину чисты,
но в превращеньях — горькая отравность
и мелкие нечистые черты.

Благословен лишь тот, кто растается
так чисто, как когда-то полюбил.
Стук туфелек все тех же раздаётся
в нем до конца, когда он не убил
натянутостью ложною, вселившей
неверие к себе и ко всему,
возможность слышать этот звук всевышний
и вечно благодарным быть ему.
Как туфельки твои ко мне стучали
в том сентябре — ночами, на заре!
И лампочка, чуть свет свой источая,
качалась в странном крошечном дворе,

и все вокруг светилось и качалось,
и было нам светло и высоко.
Не понимали мы, что все кончалось,
хотя бы тем, что начиналось все.
На бревнышках, под липами дремавших,
каких-то очень добрых и домашних,
в неизъяснимом шорохе ночном
сидели мы, не зная ни о чем.
И разве мы могли тогда представить
на бревнышках у стареньких ворот,
что он потом замкнется — круг предательств,
и наш разрыв тот круг не разорвет?!

О, этот страшный круг!
И только ли он в нас?!
Предательство ли рук?!
Предательство ли глаз?!
Предательство прудов!
Предательство аллей!
Предательство рядов!
И лип! И тополей!
Предательство и лет!
И лета! И зимы!
А бревнышки? О, нет!
Мы предали их, мы!
Пусть к ним приходят вновь,
пусть им не знать потерь...
А наша-то любовь?
Что стало с ней теперь?

Девочкой была огромноглазую,
а теперь — уже который год —
сквозь дурную славу громогласную,
опустив глаза, она идет.
Вот идет она, вот спотыкается,
всюду натывается на тьму.
Пьяная — во всем ночами кается.
Трезвая — не скажет никому.

Не ищите в ней той прежней девочки.
Иссушила старость ей черты.
Это мы ее такую сделали,
мы ее убили — я и ты.

Так всё на свете убивают,
когда теряют чистоту,
и, как потом ни уповают,
всё исчезает на лету.

О, как бы жить нам научиться,
чтоб не было себя нам жаль,
чтоб радость, расставаясь чисто,
дарила чистую печаль!

С тобою так нечисто мы расстались.
Бесстыдно, четко — как с дельцом делец.
Мы не расстались даже, а распались,
как что-то омертвевшее вконец.
Но, как и старцам, высохшим жестоко,
кровь юности их помнится всегда,
как память о прозрачности истока
хранит в низовьях мутная вода,
как помнят солнце города в тумане,
как снятся рощи вечной мерзлоте,
так смерть любви — не смерть воспоминаний
о той — первоначальной чистоте.
Кто еще помнит что-то — тот не нищий,
и поздней ночью, где-то в глубине
он возникает, этот стук всевышний
все тех же самых туфелек, во мне.

1959

ОДИНОЧЕСТВО

Как стыдно одному ходить в кинотеатры
без друга, без подруги, без жены,

где так сеансы все коротковаты
и так их ожидания длинны!

Как стыдно —

в нервной замкнутой войне
с насмешливостью парочек в фойе
жевать, краснея, в уголке пирожное,
как будто что-то в этом есть порочное...

Мы,

одиночества стесняясь,

от тоски

бросаемся в какие-то компании,
и дружб никчемных обязательства кабальные
преследуют до гробовой доски.

Компании нелепо образуются —

в одних все пьют да пьют,

не образуются.

В других все заняты лишь тряпками и девками,
а в третьих —

вроде спорами идейными,
но приглядишься —

те же в них черты...

Разнообразны формы суеты!

То та,

то эта шумная компания...

Из скольких я успел удрать —

не счесть!

Уже как будто в новом был капкане я,
но вырвался,

на нем оставив шерсть.

Я вырвался!

Ты впереди, пустынная
свобода...

А на черта ты мне нужна!

Ты милая,

но ты же и постылая,
как нелюбимая и верная жена.

А ты, любимая?

Как поживаешь ты?

Избавилась ли ты от суеты?

И чьи сейчас глаза твои раскосые
и плечи твои белые роскошные?

Ты думаешь, что я, наверно, мшу,
что я сейчас в такси куда-то мчу,
но если я и мчу,

то где мне высадиться?

Ведь все равно мне от тебя не высвободиться!

Со мною женщины в себя уходят,

чувствуя,

что мне они сейчас такие чуждые.

На их коленях головой лежу,

но я не им —

тебе принадлежу...

А вот недавно был я у одной
в невзрачном домике на улице Сенной.

Пальто повесил я на жалкие рога.

Под однобокой елкой с лампочками тускленькими,
посвечивая беленькими туфельками,
сидела женщина,

как девочка, строга.

Мне было так легко разрешено

приехать,

что я был самоуверен

и слишком упоенно современен —

я не цветы привез ей,

а вино.

Но оказалось все —

куда сложнее...

Она молчала,

и совсем сиротски

две капельки прозрачных —

две сережки

мерцали в мочках розовых у ней.

И как больная, глядя так невнятно,

Евгений Евтушенко

поднявши тело детское свое,
сказала глухо:

«Уходи...

Не надо...

Я вижу —

ты не мой,

а ты — ее...»

Меня любила девочка одна
с повадками мальчишескими дикими,
с летящей челкой

и глазами-льдинками,

от страха

и от нежности бледна.

В Крыму мы были.

Ночью шла гроза,

и девочка

под молнию магнийной

шептала мне:

«Мой маленький!

Мой маленький!»

ладонью закрывая мне глаза.

Вокруг все было жутко

и торжественно,

и гром,

и моря стон глухонемой,

и вдруг она,

полна презренья женского,

мне закричала:

«Ты не мой!

Не мой!»

Прощай, любимая!

Я твой

угрюмо,

верно,

и одиночество —

всех верностей верней.

Воюю.

Воевать — в крови моей.
Но, возвращаясь поздней ночью,
вижу я,
что только кошка черно-бело-рыжая
меня встречает у моих дверей.

Я молока ей в блюдечко даю,
смотрю,
и в этом странном положении
одержанная час назад в бою
мне кажется победа пораженьем.

Но если побежден, как на беду,
уже взаправду,
но не чьей-то смелостью,
а чьей-то просто тупостью и мелкостью, —
куда иду?

Я к матери иду.

Здесь надо мной не учиняют суд,
а наливают мне в тарелку суп.
Здесь не поймут стихов моих превратно,
а если и ворчат —
ворчат приятно.

Я в суп поглубже ложкою вникаю,
правоученьям маминым внимаю,
киваю удрученной головой,
но чувствую —
я все-таки живой.

И мысли облегченные скользят,
и губы шепчут детские обеты,
и мучившее час тому назад
мне поражение кажется победой.

1959

* * *

Сосулек тонкий звон, —
он так похож на стон,
на слабый стон во сне,
когда так сладок сон.

А женщина спешит.
Ее чуть-чуть смешит,
что так она спешит,
и чуточку страшит.

По льду стучит — чок-чок!
отважный каблучок,
и дерзко на бочок
мохнатый колпачок.

А за спиной — ни мук,
ни чьих-то лиц, ни рук,
ни встреч и ни разлук —
лишь этот властный звук!

Ее мальчишка ждет.
Его знобит и жжет.
И вот она идет —
как умирать идет.

Мальчишка этот стар.
Таким он рано стал.
Уже он сильно сдал —
он, как она, устал.

Два горя, две беды,
беспомощно горды,
молчат, стыдись друг друга,
как в рот набрав воды.

Их двое — не одно,
и все в них стеснено,